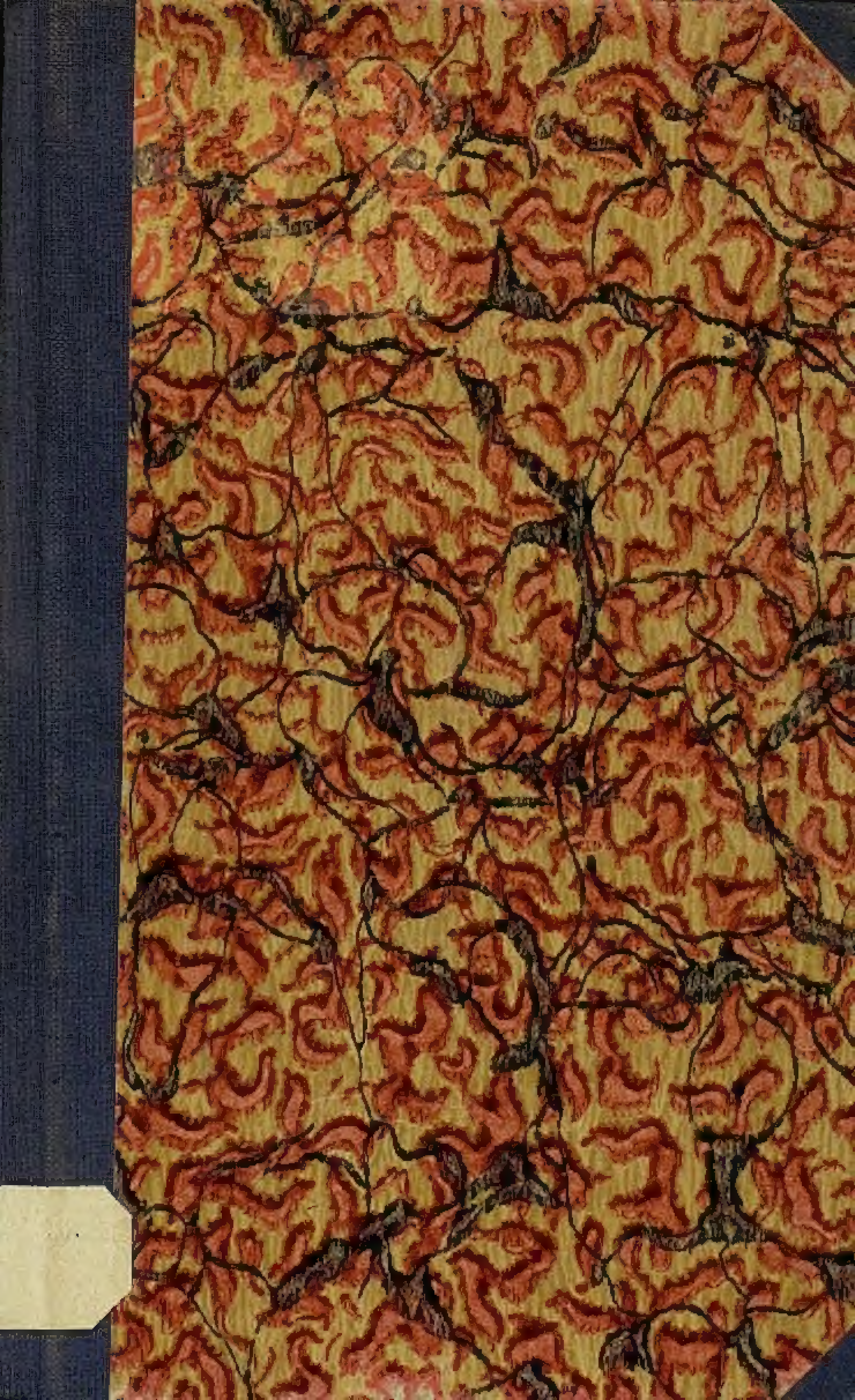

СКАЗАНІЕ

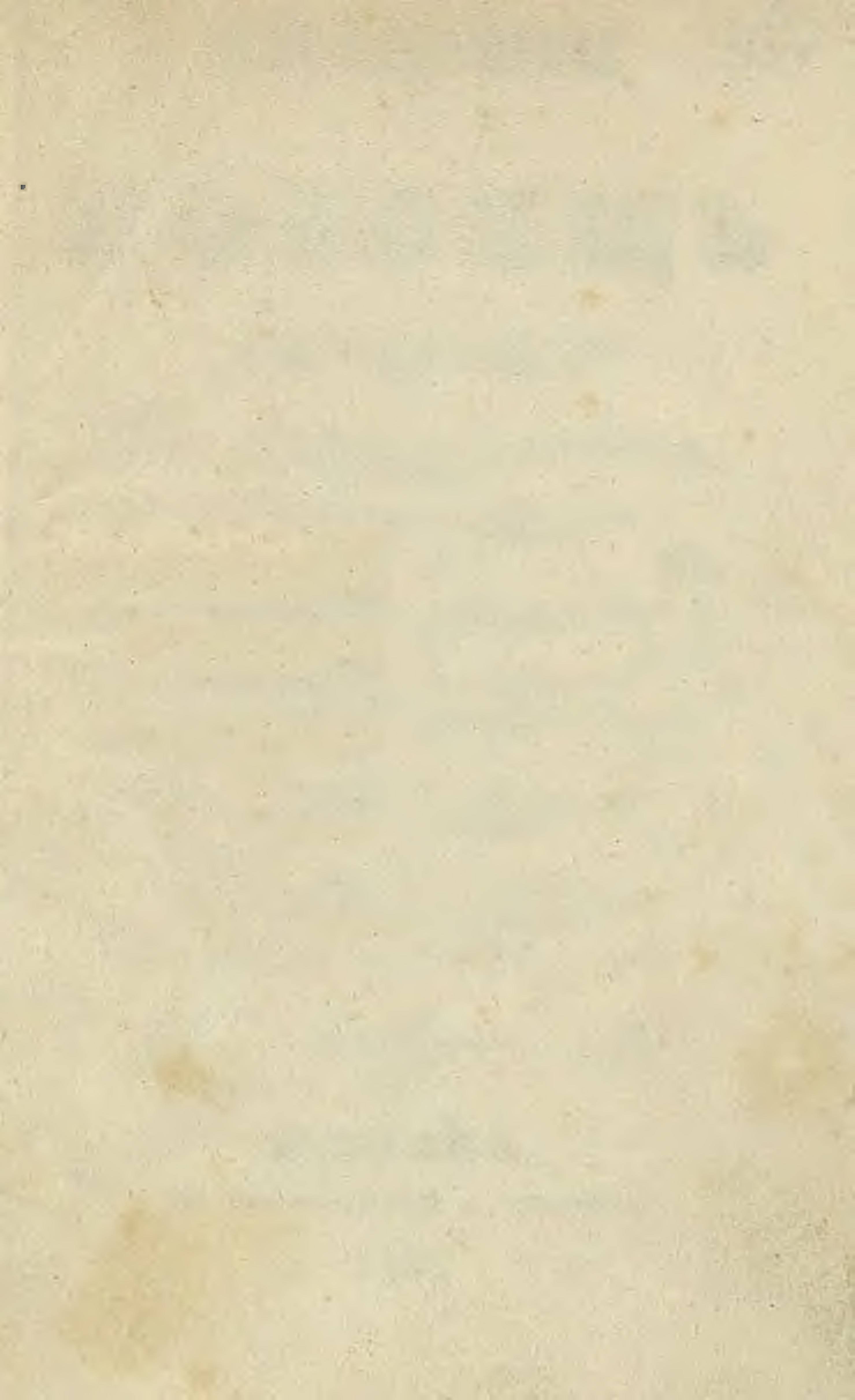
О

ПОБОИЩѢ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

Димитрія Іоанновича

ДОНСКАГО.

СКАЗАНІЕ

О

ПОБОИЩѢ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

Димитрія Іоанновича

ДОНСКАГО

СЪ НЕЧЕСТИВЫМЪ ЦАРЕМЪ МАМАЕМЪ
И СЪ БЕЗЧИСЛЕННЫМИ ТАТАРЫ НА ДОНУ, НА РѢКѢ
НЕПРЯДВѢ, НА ПОЛѢ КУЛИКОВѢ,

1580 года 8-го Сентября.

Сочиненіе XV столѢтія

ИЗДАЛЪ НИКОЛАЙ ГОЛОВИНЪ.

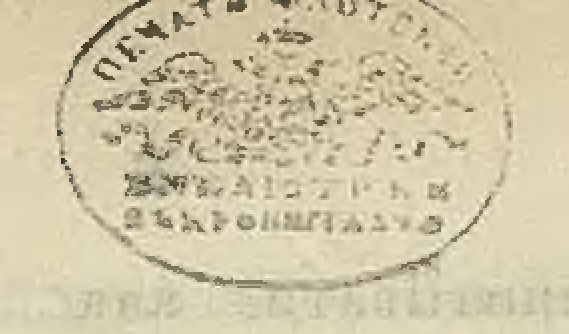
МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Января 9 дня 1835 года.

Цензоръ И. Снегиревъ.

СКАЗАНІЕ

О ПОБОИЩѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО. *)

Повѣдаю вамъ братія, како случися побоище на Дону православнымъ Христіанамъ съ нечестивыми Татары и како возвыси Господь Русскую землю, а поганыхъ уничтожи и посрами ихъ суровство.

Попущеніемъ Божіимъ отъ Восточныя страны воздвигся Царь Мамай, Христіанскій ненавистникъ и укоритель; и вниде въ сердце его діаволъ подстрекатель и наусти разорити православную Вѣру; и сотвори Мамай совѣтъ злый въ темныхъ, поганыхъ своихъ царствахъ и

нача испытывати: како Батый плѣнилъ Кіевъ и Володимеръ и всю землю Русскую, и како уби Князя Юрія Всеволодовича [3] и оскверни пречистую Церковь, разграби злато; и бысть ослѣпленъ очима, рѣче къ Улусникамъ своимъ: «Азъ «изждену ихъ Князи! хощу сотворити «аки же Батый! обогатѣемъ Русскимъ «златомъ!» — Того же не разумѣ нечестивый, яко не до конца прогнѣвается Господь, ни во вѣки враждуетъ [5].

И распусти безбожный Мамай облаву свою, заповѣда Уланомъ своимъ: «Яко «да ни единъ у васъ пашетъ нивы, бу«дите готови на Русскую землю, — на «хлѣбы!» И совокупи мнози орды съ собою и перевезеся великую рѣку Волгу, и пойде на Русь, свирепѣя яко левъ, дыхая яко неутолимая эхидна.

Бысть же у Олга Князя Резанскаго [6] скудость ума во главѣ, и сатана ухищреніе вложи въ сердце его; слышавъ, яко Мамай идетъ на Русь ратію, устрашися и

разсыпася мыслію, и посла послы къ нечестивому Царю со многою честію и дарьми и писа къ нему сице: « Восточному Ца-
« рю Мамаю, твой посаженный присяжникъ
« Олгъ Резанскій! Слышахъ тя Господина
« моего, хощеши идти на Русь на своего
« посаженника и служебника, на Князя
« Димитрія Московскаго; нынѣ же, Го-
« сподине, приспѣ время: злата и богат-
« ства наполнена земля его. И тако бо
« вѣмъ всесвѣтлый Царю, яко Князь Ди-
« митрій, егда услышитъ имя ярости
« твоея, то отбѣжитъ отъ тебе въ дальняя
« свои страны; злато же и богатство
« все будетъ въ твоихъ рукахъ: мене
« же раба твоего, Царю, Держава твоя
« пощадитъ. »

Такожде скудоумный Олгъ посла посольство къ велерѣчивому Ягайлу Литовскому [5]. — Но рука Божія высока; Господь дастъ власть, ему же хощетъ.

Слышавъ же то Князь Димитрій Ивановичь, яко грядетъ на него безбожный

Царь Мамай и неуклонимая рать Татарская, опечалився вельми и посла по вся Воеводы и по мѣстные Князи.

И мнози Князи и Воеводы съѣхашеся во градъ Москву. Князь же Великій рцѣ имъ тако: «Братія моя! Рустіи Князи «и Воеводы и Бояре! гнѣздо есмя Князя «Владимера Кіевскаго, будите готови на «брань битися съ безбожными Татары. «Вси бо на мя собрашеся сопостати, но «помощію Божіею изыдемъ имъ во срѣ«теніе.» — И рѣче ему, братъ его, Князь Владимеръ Андреевичь [6]: «Мы вси, Го«сподине, готови умерети и главы своя «сложити за святую Вѣру, за землю «Русскую и за твою обиду Великаго «Князя!»

Въ тоже время приспѣли Князи Бѣлозерскіе [7] воини крѣпки, вельми доспѣшни и кони борзы наряжени подъ ними. И пріидоша Князи Ярославскіе и Князи Ростовскіе со всѣми силами и иные многіе Князи.

Звенитъ слава по всей земли Русской, гремитъ Вѣчье въ Великомъ Новгородѣ у Святыя Софіи и дивные удальцы, яко орли слетаются со всей Русской земли храбрость свою пытати.

Уже бо братіе не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стучитъ рать Великаго Князя Димитрія Ивановича, гремятъ Русскіе удальцы злачеными шеломы и доспѣхи!

Князь же Великій поимъ брата своего Владимера Андреевича и пріиде къ Живоначальной Троицѣ и ста предъ образомъ Господнимъ, рѣче въ умиленіи сердца: «Молютися Боже, Владыко мой! «Ты еси Царь славы и къ Тебѣ прибѣ-«гаемъ единому, егда унываемъ отъ «скорбей нашихъ. Суди Господи обидя-«щая мя и возбрани борющимся со мною, «пріими оружіе и щитъ, востани въ помоцъ «мнѣ, да постыдятся и посрамятся явля-«ющіе рабомъ Твоимъ злая; дай же ми

» Господи! помощь на противные, да и « тѣ познають славу имени Твоего! »

Старцу же Сергію преподобному ту въ умиленіи стоящу, рѣче Князь Великій: « Благослови мя отче, на подвигъ и дай ми « два брата Обронскихъ отъ полку своего. « Нынѣ бо ти, старче, приспѣ время мо- « литися за ны къ общему Владыцѣ всѣхъ: « день бо злыя вещи належитъ намъ, по- « ганіи бо идутъ на ны. Тебя же Господь « вжегъ свѣтло, яко свѣщу на свѣщницѣ, « и тебѣ подобаетъ молитися о насъ, да « не ляжетъ на ны рука нечестивыхъ! » — Преподобный же благослови Великаго Князя и рѣче ему: « Господь Богъ да бу- « детъ ти помощникъ и заступникъ! » И призва Пересвѣта и Ослябя — двухъ братьевъ мниховъ Обронскихъ , вручи имъ твердъ доспѣхъ — крестъ Христовъ нашитъ на схимѣ, и повелѣ имъ въ борзѣ готовитися, и благослови ихъ, и рѣче имъ: « Миръ вамъ, братія моя, постраждите « яко добліи воини Христовы! »

Князь же Великій Димитрій Ивановичь пріиде во градъ Москву и поимъ брата своего и вси Князи Русскіи преславнiи, и иде въ церковь небеснаго Воеводы Архистратига Михаила, и приступи ко гробомъ Князей прародителей своихъ ркуще: «Хранители православные, по-«борницы наши! аще имаете дерзно-«веніе ко Господу, молитеся о нашемъ «уныніи, яко великое востаніе приклю-«чися намъ, нынѣ убо подвизайтеся съ «нами!»

Златоперсистый же голубь, Княгиня Великая Евдокія и съ иными Княгиня-ми и Боярскими женами ту стоячи и сле-зами обливаяся горючими; по сердечному, ни едина не можеши словеси промолвити.

Князь же Великій Димитрій Ивановичь вступи во златокованное стремя и сѣде на своего борзаго коня, не прослезися бо, народа ради, а сердцемъ скровно плаче, рѣче ко своей Великой Княгинѣ: «Аще Господь по насъ, то кто можетъ

«на ны?» — Такожде и вси Князи и Воеводы на свои кони сѣдоша; а солнце со всхода свѣтитъ въ путь имъ и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ.

Уже бо тогда, яко соколи отъ златыхъ колецъ рвахуся, выѣхали Князи Бѣлозерскіе изъ каменна града Москвы: изрядно бо ся полцы ихъ видѣти, яко достоитъ имъ избивати стада лебедина!

Сладкоглаголивая же ластовица Великая Княгиня Евдокія и съ иными Княгинями вниде въ свой златоверхій теремъ набережный и сѣде подъ Южнымъ окномъ, и, вздохнувъ печально, рѣче въ умиленіи сердца: «Господи Боже Великій! призри «на мя смиренную: сподоби мя еще видѣти славнаго въ человѣцѣхъ Великаго «Князя Димитрія Ивановича, даждь ему «помощь отъ крѣпкія руки Твоея, да по-«бѣдитъ противныя силы! Не сотвори, «Господи! яко же прежде было Христі-«аномъ отъ злаго Батыя; отъ тоя бо рати «Русская земля опустѣла; не даждь по-

«гибнути, Владыко, оставшему Христіан-
«ству. Азъ же унылая имѣю двѣ отрасли,
«но еще малы суть: егда повѣетъ ихъ
«вѣтръ съ Юга или съ Запада [10], не мо-
«гутъ устояти, ни на чтоже опираяся.
«Буди милостивъ, Господи! и возврати
«отца ихъ во здравіи. Ни на кого же
«надежи не имамъ, токмо на Тя, Всемило-
«сердый Владыко!»

Слышавъ же Олгъ Резанскій, яко Князь Великій собра мнози рати, и иде во срѣтеніе безбожному Царю Мамаю, устрашися сердцемъ, устыдися срамоты своей и распадеся мыслію.—Ягайло же Литовскій пріиде къ Одоеву [11] и увѣда, яко Олгъ убояся идти противу Великаго Князя, пребысть ту не подвизаяся, аки гладный волкъ видя стадо буйныхъ туровъ.

Въ тоже время слышавъ Князь Андрей Полоцкій и Князь Димитрій Брянскій Олгердовичи [12] яко необоримая туга належитъ Великому Князю Московскому отъ

нечестиваго Царя Мамая, и рѣче Князь Андрей Олгердовичь: «Пойдемъ, брате! «на помощь къ Великому Князю Москов-«скому: необорима бо туга належитъ «ему отъ поганыхъ Татаръ; но еще и «братъ нашъ поборaетъ по нихъ. А Олгъ «Резанскій проводитъ ихъ на Русь.» — И снидошася ко желанію два брата Олгердовича со всѣми силами своими и яко нарочитые ратницы приспѣша къ Коломнѣ и соединишася съ единовѣрными другами.

Не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ по зарѣ на поляхъ Коломенскихъ; стучатъ и гремятъ Русскіе удальцы! Князь же Великій Димитрій Ивановичь повелѣ всѣмъ Воеводамъ и людемъ выѣхати на поле Дѣвиче. И начаша мнози гласи ратныхъ трубъ трубити, и варганы шепутъ и стязи ревутъ наволочени у садъ Панфилова!

Князь же Великій, егда уряди полки своя, рѣче ко всѣмъ Княземъ и сущимъ подъ рукою его Воеводамъ: «Братія моя

« милая, не пощадимъ живота своего за
« вѣру Христіанскую и за святыя церкви
« за землю Русскую!» И рѣче ему Князь
Владимеръ Андреевичь: «Господине Кня-
« же! Воеводы у насъ вельми крѣпцы, а
« Русскіе удальцы свѣдомы, имѣютъ подъ
« собою борзые кони, а доспѣхи вельми
« тверды, злаченыя колонтари [13] и бу-
« латныя байданы и кончары [14] Фряжскія,
« и курды Ляцкіе и сулицы Нѣмецкія, а
« щиты червленые, и копья злаченыя,
« сабли булатныя; а дорога имъ свѣдома,
« а берега имъ по Оцѣ изготовлены; хо-
« тятъ главы свои сложити за вѣру Хри-
« стіанскую и за твою обиду, Великій
« Княже!»

И возвѣяшеся сильни вѣтри по широцей
дорозѣ и воздвигошеся Велици Князи, а
по нихъ Русскіе сынове успѣшно грядутъ,
аки медовыя чаши пити и стебліа винныя
ясти. Но не медовыя чаши пити, не стебліа
винныя ясти грядутъ: хотятъ добывати
себѣ чести и славнаго имени земли Рус-

ской. Дивно и грозно бо въ то время слышати, и громко въ варганы бьютъ, тихо съ поволокою ратныя трубы трубятъ и кони ржутъ многогласно.

По малѣхъ же днѣхъ приступиша къ Дону; мнози же волцы пріидоша на то мѣсто по вся нощи воютъ непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утверждаетъ, и ворони собрашеся, необычно, неумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ и орли отъ устъ Дону приспѣша, лисицы на червленные щиты брещутъ, ждучи дни грознаго, въ онъ же имать пастися множество трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ; отъ такого страха и отъ великія грозы дерева преклоняются и трава постилается. Вѣстницы же повѣдаютъ, яко ближатъ поганіи, уже бо одна нощь между ихъ полки и наши. И возрадовашеся Русскіе удальцы, зря своего желаннаго подвига.

Князь же Великій Димитрій Ивановичъ

поимъ брата своего Князя Владимера и Литовскіе Князи и Воеводы и выѣха на высокое мѣсто и видѣ Святое знамя Іисусово, аки солнце свѣтящеся и стязи ревутъ наволоченіи простирающеся, аки облаци тихо трепещущи, хоругви аки живы пашутся; а доспѣси Русскіе, аки воды во вся вѣтри колыблются, шеломы на главахъ ихъ златомъ украшены, аки утрення заря во время ведряно солнца свѣтящеся, еловцы же [5] шеломовъ ихъ, аки пламя огненно пашется. Ужасно зрѣти таковыхъ Русскихъ Князей и ихъ удалыхъ Дѣтей Боярскихъ [16]! Князь же Великій сшедъ съ коня и падъ на колѣну прямо Великому полку Черному знамени, на немъ же бѣ образъ Владыки, и нача изъ глубины сердца звати велегласно: «Господи силъ! буди съ нами; иного же «помощника въ скорбѣхъ не имамы!»

Скончавъ же молитву и сѣде на конь, нача ѣздити по полкомъ со Князи и Воеводы, и коемуждо полку рѣче: «Братія

» моя милая, сынове Русскіе, уже бо
« нощь приспѣ и день приближися гроз-
« ный, уже гости наши близь суть на
« рѣцѣ на Непрядвѣ [17]. Утро же имаете
« вси пити общую чашу, ея же друзи
« мои на Руси вожделѣша. »

Уже бо долго нощи вечерняя заря по-
тухла. Нѣкто же отъ Воеводъ Димитрій
Михайловичь Волынецъ [18], сядѣ на конь
свой, и поимъ съ собою Великаго Князя, и
выѣхаша на поле Куликово и ста посреди
обоихъ полковъ, и обратися на полки Та-
тарскіе, и слыша стукъ великъ и кличь,
аки торги снимаются, аки гради зиждуще,
аки трубы гласяще. Назади же Татарскихъ
полковъ волцы воютъ грозно, ворони и га-
лицы кличютъ; птицамъ прелѣтающимъ отъ
мѣста на мѣсто, аки вѣпру играюще; на
рѣцѣ же на Непрядвѣ гуси и лебеди
крилами плещутъ. Рѣче же Волынецъ
Великому Князю: « Слышасте ли сіа?
« Обрати же ся Князь на полки Русскіе. »
—И бысть тихость велика, токмо отъ мно-

жества огней зари имашеся. И сниде Волынецъ съ коня и приниче на землю. И рѣче ему Князь Великій: «Что есть брате?» — Онъ же отвѣща ему: «Слышахъ землю «плачущуся на двое: едина страна аки «вдовица нѣкая, а другая аки дѣвица, «аки свирѣль, чаю побѣды, но нашихъ «много падетъ.» И рѣче Князь Великій: «Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю «на Него. Помози ми Господи! яко пер«вому Ярославу на Святополка Окаян«наго, и прадѣду моему Александру на «хвалящагося Короля Свѣйскаго [49]! Да «не порадуются врази наши и не рѣкутъ «въ странахъ невѣрныхъ: *гдѣ есть Богъ «ихъ на Него же уповаша!*»

И пріиде къ дружинѣ своей, Князь Великій Димитрій Ивановичь и посла брата своего Князя Владимера Андреевича въ верхъ по Дону, яко да утаитися полку его, и съ нимъ отпусти Димитрія Михайловича Волынца.

Свѣтающеся свѣтлому и восходящу

солнцу; начаша стязіи Христіанскія простиратися и трубы трубити отъ обоихъ странъ. Вострепеташа озера и рѣки: поле же Куликово [20] перегибающеся подъ хоругвями сыновъ Русскихъ и кликомъ поганыхъ. Князь же Великій ѣздящъ на борзомъ конѣ мимо полковъ, глаголя Воеводамъ: «подвизайтеся, други, за Русскую « землю!» — Пріиде же подъ свое Черное знамя, и сниде съ того коня на иной конь и совлече съ себя приволоку Царскую и въ иную облечеся; тотъ же конь даде подъ Михайла Александровича Брянка и въ ту приволоку его облече, иже бѣ любляше его паче мѣры, и то Черное знамя повелѣ Рындѣ [21] своему возити предъ нимъ, и веземъ палицу желѣзную, подвизався изъ полку вонъ, восхотѣ прежде самъ начати. Князи же Русскіе и Воеводы удержаша его, глаголюще: « Не подобаетъ тебѣ Великому « Князю самому битися. Тебѣ же Государю надлежитъ полци устроивати, и па-

» мять творити и въ книгахъ писати дѣля « Русскихъ сыновъ. Мы же́ вси готови « есмы головы своя положити за тебя за « ласкова Государя. » — Князь же Великій рѣче имъ: « Братія моя милая! како « могу видѣти васъ погибаемыхъ, а самъ « стояти? и како возглаголю: *потягнемъ* « *вкупѣ*, а самъ лице свое почну крыти? « Яко-же хощу словомъ, тако-же и дѣломъ « напредъ всѣхъ быти, и предъ всѣми « главу свою положити, да и прочіе при- « мутъ дерзновеніе. Общую чашу имамъ « пити съ вами, други! »

И се внезапу великая сила Татарская съ шоломяни грядуща, и нѣсть мѣста, гдѣ имъ разступитись; и сташа, копія за- кладше, стѣна у стѣны, каждо ихъ на плещи преднихъ своихъ, имуще. Князь же Великій съ своею силою съ другаго шоломяни пойде противу имъ, и бѣ страшно видѣти. Нечестивый же Царь Мамай съ своими темными Князи взыде

на мѣсто высоко, на шоломя, и ту сташа хотя видѣти кровопролитіе.

Уже бо близь себѣ сходишася, и выѣде изъ полку Татарскаго богатырь, именемъ Телебѣй, предо всѣми мужествова, похваляясь, и никто же смѣяше противу его. Тогда Пересвѣтъ — чернецъ двигся изъ Передоваго полку вонъ и рѣче: «Азъ «хощу съ нимъ видѣтися.» — И устремися противу ему; и ударишася крѣпко, аки сильніи громи грянуша; мало что земля подъ ними не проторжеся; и оба ту спадоша съ коней мертвіи.

Наставшу же второму часу дни, рѣче Великій Князь своимъ Воеводамъ: «Уже «бо время и часъ приспѣ!» — И удариша каждо по коню своему и поскочисте аки медовыя чаши пити, и кликнуша единымъ гласомъ: «Съ нами Богъ!»

На полѣ Куликовѣ сильни полки сразишася, треснуша копія харалужная; звенятъ доспѣхи злаченые, стучатъ щиты

червленные, гремятъ мечи булатные, блистаютъ сабли острыя около головъ молодецкихъ, ліется кровь богатырская по сѣдламъ кованымъ и катятся шеломы позлащенные конемъ подъ копыта. — Не токмо оружіемъ біющеся, но и сами о себя избивахуся и подъ конскими ногами умираху, и отъ великія тѣсноты задыхахуся на полѣ Куликовѣ. Страшно бо есть видѣти сего грознаго часа смертнаго! Трепетали сильніи молніи отъ блистанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ, и бысть, яко громъ отъ копѣйнаго сломленія и мракъ отъ стрѣлъ перелѣтающихъ. Восколебашеся озера и рѣки и выступиша изъ мѣстъ своихъ, притопташеся холми высокіе и наполнишася трава кровію, льющеся на всѣ страны, аки быстрины рѣчныя.

До пятой годины бьющеся неослабѣющу; шестому же часу наставшу, начаша одолѣвати поганіи, и Великаго Князя уязвиша и стязи его подсѣкоша, и мнози удальцы и Вельможи Русскіе, аки сильніи древа

сломашеся. — Не турове возрѣвѣша, возрѣвѣша буеи сынове Рустіи!

Князь же Владимеръ Андреевичь видѣ одолѣніе поганыхъ, рѣче Димитрію Волынцу: «Брате Димитрій! что убо поль-«зуетъ стояніе наше?» — И рцѣ ему Волынецъ: «Еще не пришла година, «Княже!» — Сынове же Рустіи въ полку его, видяще други своя побиваеми, непрестанно порывающеся, аки званые на бракъ сладкаго вина пити. Волынецъ же рѣче имъ: «Мало пождите буявіи сынове «Рустіи; есть бо вамъ еще съ кѣмъ утѣ-«шатися, пити и веселитися!» — Приспѣвшу же осьмому часу и повѣя вѣтрецъ Южный позади ихъ и рѣче Волынецъ: «Время пріиде и часъ приспѣ! братіе! «потягнемъ по своемъ Князѣ и по Русской «землѣ!» — И выѣдоша изъ дубравы единомысленные друзи, аки соколи испущени, и ударишася на стада журавлина. И обратишася поганіи, даша плещи своя, восклицающе: «Увы! тебѣ Мамай [22], воз-

«несся до небесъ и въ адъ низходиши!» — Сынове же Русскіи, аки лѣсъ клоняху нечестивыхъ и гнаша ихъ аки стада овча; и падоша Татарове, аки трава отъ косы постилается.

Князь же Владимеръ Андреевичь ста на костѣхъ подъ Чернымъ знаменіемъ, и не обрѣте брата своего, и повелѣ собранною трубою трубити и нача по полкомъ ѣздити глаголюще: «Братіе! кто видѣлъ пер-«воначальника Великаго Князя Димитрія «Ивановича?» — И рѣче Князь Андрей Олгердовичъ: «азъ пятаго часу видѣхъ «его крѣпко бьющеся съ четырьмя Тата-«рины.» — Иной же рѣче: «азъ видѣхъ «его предъ самымъ твоимъ изъ засады «приходомъ, пѣша идуща съ побоища, «но уязвленна; того бо дѣля не дахъ ему «коня, зане гонимъ бѣ тремя Татарины.»

Рачители же Отроцы разсунушася по великому грозному побоищу, ищуще побѣдѣ побѣдителя. Овіи же наѣхаша Михаила Александровича Бряика, убитаго

въ приволоцѣ и въ шелому Великаго Князя, и чаяше его Государемъ, иніи же найдоша Князя Ѳедора Романовича Бѣлозерскаго, чающе его Великимъ Княземъ, зане же приличенъ бяше. — Но нѣкто отъ благородныхъ воинъ, найдоша Великаго Князя вельми язвенна, при березѣ въ дубравѣ лежаща [25]. Тогда вси Князи и Бояре возрадуися великою радостію и поклонишеся Великому Князю, глаголюще: «Наше древо Ярославле, новый «Александре, ликуй свѣтило Русской земли!» Онъ же, изнеможенный радуяся, сѣде на конь кротокъ и нача ѣздити по побоищу, и наѣхалъ первѣе на мѣсто, идѣже лежатъ Князи Бѣлозерскіе. И паки на другое мѣсто пріѣдѣ, найде наперстника своего Михаила Александровича Брянка, и туто же Чернеца Пересвѣта близъ богатыря Телебѣя лежаща, и рѣче въ умиленіи сердца: «Сынове земли Рус«ской! вамъ, братія, сужено на Дону, на «полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ Непрядвѣ по-

« ложити своя головы за землю Русскую,
« за святыя церкви! »

Се-же слышахъ отъ вѣрнаго самовидца, отъ полку Князя Владимера Андреевича, иже повѣда Великому Князю видѣніе: « Во шестую годину дни, бысть надъ вами « небо отверсто, изъ него же иде ба- « гряная заря и облакъ исполненъ рукъ, « кояжда рука держаше вѣнцы, ова цвѣты; « и шестому часу минующе, мнози вѣнцы « спустишася на Русскіе полки. »

Стоявъ же за Дономъ восемь дней, дондеже разобраша Христіанскія тѣлеса съ нечестивыми. Христіанъ похорониша; а нечестивіи повержени звѣремъ на расхищеніе [24].

И возвеселишеся удальцы Русскіе въ Татарскихъ узорочьяхъ, везучи въ землю свою уюсьи и насачи, бугай, кони, и волы и верблюды, меды и вина! — И превознесеся слава земли Русской: ревутъ розы Великаго Князя по всѣмъ странамъ. Пойде вѣсть по всѣмъ градомъ: къ Кіеву,

ко Львову, къ Судаку, къ Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратамъ [25] и Царю-граду: *Русь поганыя одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ Непрядвѣ.* — Воздадимъ хвалу Русской земли! — Всѣ страны и гради возносятъ имя Господне. Прославимъ милость Его во вѣки вѣковъ! Аминь.

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Въ 1361 году Мамай бывшій Темникъ (Воевода или Военачальникъ) Хана Чанибека, возсталъ на своего властителя Хана Мурута, и сдѣлался верховнымъ повелителемъ Золотой Орды; но самъ не принялъ названіе Хана, и по своей прихоти возводилъ на престолъ Ордынской, ему подвластныхъ Хановъ.

2. В. К. Юрій или Георгій Всеволодовичь былъ убитъ въ 1238 году 4-го Марша, на берегу рѣки Сити въ битвѣ съ Батыемъ.

3. Костромской Лѣтописецъ говоря о нашествіи Батыя, такъ изображаетъ опустошеніе Россіи: «И «кто ся насъ остался живыхъ, о семъ не поплачется. Языкъ бо не можетъ вѣщати, ни уста «исповѣдати тоя бѣды; превосхожаше бо Виѳлеемское многосртаднаго рыданія: тамо бо едини «младенцы закалахуся убійственными дланьми; «здѣ-же престарѣвшіеся, и сѣдіи, и цвѣтущіи юно«ши, и жены благообразныя и чистозрачныя от«роковицы, вкупѣ раздробляхуся; и младенца ссу«щая отторгающе отъ пазухъ и нѣдръ матернихъ, «и о землю и о стѣны ударяху, и на полы пре«сѣкаху оружія прободаху; и не бѣ стонущаго, ни «плачущагося ни отцу, ни матери о любимыхъ «чадѣхъ, ни брату по братѣ!!..

4. Князь Олегъ Рязанскій, сынъ Іоанна Коротополова, убійцы Князя Александра Михайловича Пронскаго.

5. Ягайло Ольгердовичъ, внукъ Гедиминовъ, В. К. Литовскій и потомъ Король Польскій, сынъ Тверской Княжны Іуліаніи.

6. Князь Владиміръ Андреевичъ храбрый, внукъ В. К. Іоанна Калиты, двоюродный братъ Димитрія Донскаго.

7. Въ битвѣ съ Мамаемъ находились Князья Бѣлозерскіе: Ѳедоръ Романовичъ и сынъ его Іоаннъ; — сынъ и отецъ имѣли славу умереть вмѣстѣ за свободу отчизны на полѣ Куликовѣ.

8. Александръ Пересвѣтъ и братъ его Ослябя, прежде своего иночества были Боярами. Они оба пали на Куликовомъ полѣ; тѣла ихъ были привезены въ Москву и похоронены въ старомъ Симоновѣ въ трапезѣ церкви Рождественской, въ слободкѣ подлѣ Симонова монастыря. Гробница ихъ была найдена въ царствованіе Екатерины II, при разборкѣ ветхой колокольни. На камнѣ, ее покрывавшемъ, были начертаны имена Пересвѣта и Осляби.

9. Княгиня Евдокія, дочь В. К. Димитрія Константиновича, вышла за Димитрія Донскаго въ 1367 году 18 Января. Въ память Куликовской битвы она воздвигла въ Москвѣ Рождественскій монастырь.

10. Вѣтромъ, Княгиня называетъ враговъ Россіи, съ Юга Татары, съ Запада Литовцы.

11. Одоевъ, нынѣ городъ Тульской Губерніи, въ 255 верстахъ отъ Москвы и въ 100 отъ Куликова поля.

12. Братья Ягайлы Андрей и Димитрій Олгердовичи, девятнадцать лѣтъ послѣ Донской битвы т. е. 12 Августа 1399 года, находясь въ рядахъ Литовскаго Князя Витольда, были убиты на берегахъ Ворсклы, въ сраженіи противъ Эдигея сподвижника Тимурова.

13. Колонтари — Латы.

14. Кончары — Мечи.

15. Еловецъ — гребень на шлемѣ.

16. Дѣти Боярскіе или отроки составляли воинскія дружины Бояръ.

17. Непрядва вливатся въ Донъ съ правой стороны.

18 Д. М. Волынецъ зять Великаго Князя, въ 1371 году разбилъ Олега и послѣ ходилъ въ Болгарію.

19. Король Шведскій Ерикъ Ериксонъ.

20. Донынѣ вырываютъ изъ земли на Куликовомъ полѣ обломки оружія, мѣдные кресты и пр.

21. Рынды—юноши въ бѣлой одеждѣ съ серебряными сѣкирами, всегда находились при особѣ нашихъ Царей — званіе, равняющееся нынѣшнимъ Камеръ-Пажамъ.

22. Побѣжденный Мамай, достигнувъ своихъ улусовъ, въ видѣ робкаго бѣглеца, хотѣлъ отвѣдать еще силъ противъ Димитрія; но, разбитый близъ нынѣш-

няго Маріуполя Тохтамышемъ, бѣжалъ въ Кафу, гдѣ былъ умерщвленъ Генуэзцами.

23 «Доспѣхъ весь битъ на немъ и язвенъ, но на «тѣлеси его не бысть раны никоея-же — и много «ударенія по главѣ его и по плещама его.» — *Строевск.* и *Типогр. Лѣт.*

24. На костяхъ Россіянъ воздвигли церковь Рождества Богородицы, и положили производить ежегодное поминовеніе въ недѣлю Православія и въ *Дмитріевскую Субботу.* т. е. 26 Октября въ день Св. Мученика Димитрія. — Послѣ того В. К. Димитрій воздвигнулъ въ Москвѣ, въ память Куликовской битвы, церковь Рождества Богородицы на Солянкѣ, что называется на *Стрѣлкѣ.* Вся окрестность получила тогда названіе *Кулишки.*

25. Желѣзныя ворота находились не въ Дербентѣ, какъ многіе полагаютъ, а въ Дарьялѣ. — Наши Лѣтописи повѣствуютъ, что Ханъ Половецкій, разбитый Мономахомъ, ушелъ въ Абазинскую землю, за Желѣзныя ворота, слѣдовательно за Дарьяль, а не Дербентъ; ибо чрезъ сей послѣдній нѣтъ средства пробраться въ Абхазію.

